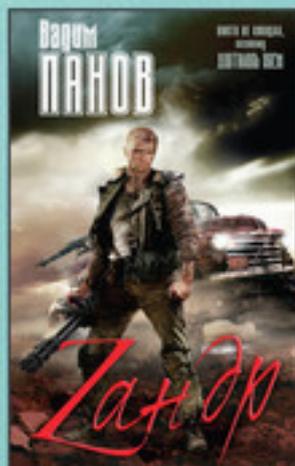
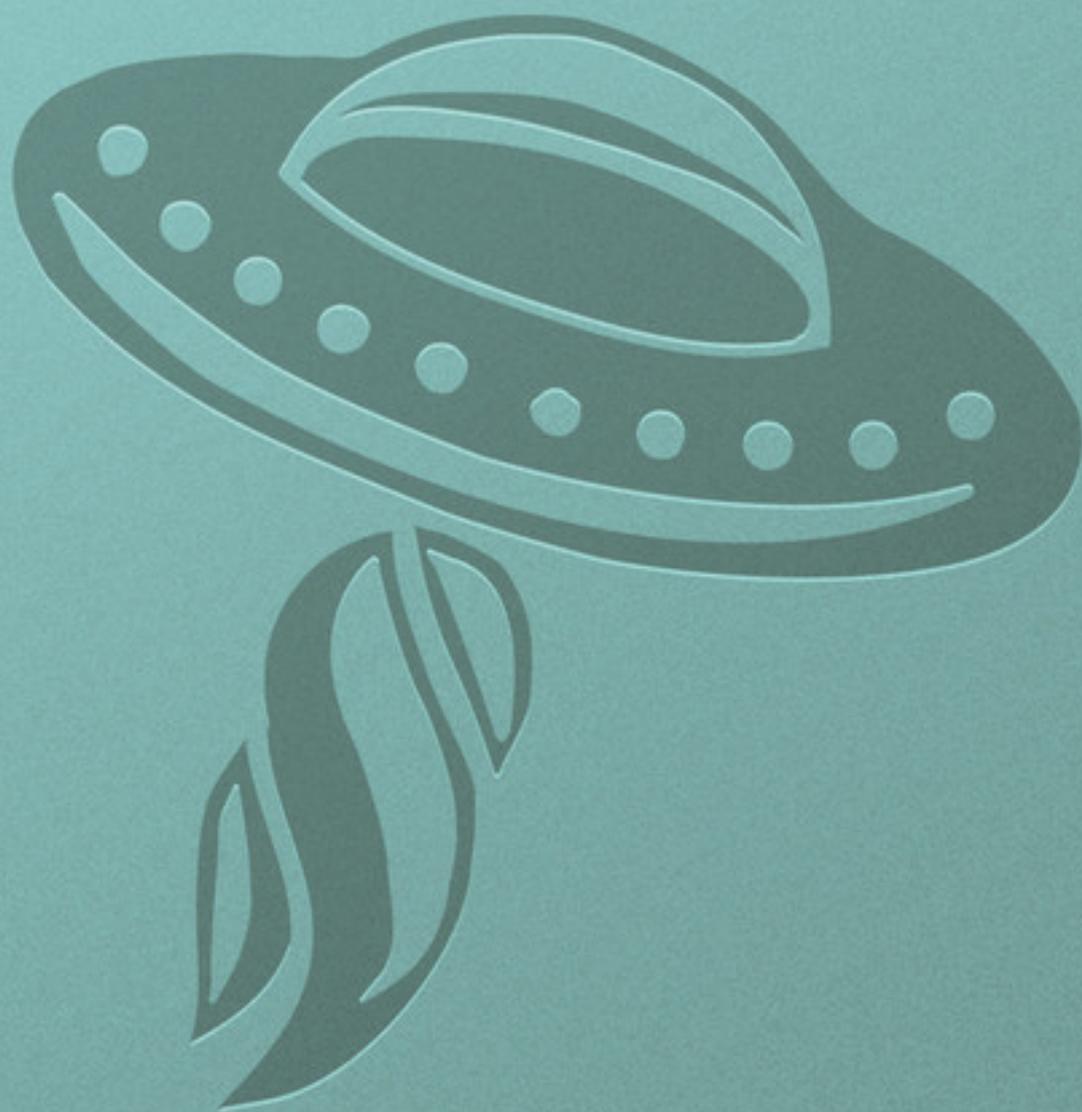

Вадим Панов

Нянька Сатана

*Часть сборника
Зандр (сборник)*

Вадим Панов
Нянька Сатана

«ЭКСМО»
«Панов Вадим»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Нянька Сатана / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2016

«Мозги плавятся. Слышали, наверное, такое выражение? Мозги плавятся... Чаще всего от жары или духоты, иногда – от того, что кто-то их «выносит». Напрягает непрерывным бубнежом, постепенно превращающимся в монотонный шум. Вопли, кстати, мозги не плавят – от них появляется злость, а вот бубнёж злость глушит, растаскивает по шкале монотонности, дебилизирует сознание программой «белого шума». А если добавить жару, то получается адская смесь заунывности и температуры, воняющая потом и давящая на несчастные серые клеточки так, что они плавятся...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Панов В. Ю., 2016
© Эксмо, 2016
© Панов Вадим, 2016

Вадим Панов Нянька Сатана

«Мозги плавятся.

Слышали, наверное, такое выражение?

Мозги плавятся...

Чаще всего от жары или духоты, иногда – от того, что кто-то их «выносит». Напрягает непрерывным бубнежом, постепенно превращающимся в монотонный шум. Вопли, кстати, мозги не плавят – от них появляется злость, а вот бубнѐж злость глушит, растаскивает по шкале монотонности, дебилизирует сознание программой «белого шума». А если добавить жару, то получается адская смесь зашумленности и температуры, воняющая потом и давящая на несчастные серые клеточки так, что они плавятся.

Работоспособность стремится к нулю, черепную коробку заполняет гудящая, как трансформатор, тьма, и ты не слышишь даже себя.

Потом гудение уходит, и остаѐтся...

Вакуум.

Ты не хочешь слышать, не хочешь говорить, не хочешь думать. Ты пребываешь в состоянии томительного полусна, и с каждой секундой желание проснуться становится всё слабее и слабее. Огонѐк энергии кажется сначала светом в конце тоннеля, потом свечкой, потом – недостижимой звѐздочкой. Где-то решают вопросы, что-то придумывают, выкручиваются, изобретают, то есть живут как все, творят повседневность в постоянном движении, а ты дремлешь, спелѐнутый коконом вакуума. Тебе лень. Тебе проще, когда другие.

Некоторым вначале неуютно, но потом привыкают. Все привыкают, потому что так – легче. Вакуум в голове – прекрасное средство от раздражителей, от неприятностей, от необходимости что-то делать и за что-то отвечать. Вакуум умиротворяет, дарит тишину и снаружи, и внутри. Благословенную тишину...

О которой я могу только мечтать.

Потому что в моей голове постоянно щѐлкают переключатели и скрипят шестерѐнки, гудят сервоприводы и монотонно ходят шатуны... Механика моей машинерии не останав-

ливаётся ни на мгновение, а в жару или минуты «выноса» она лишь разбежится, стараясь поскорее преодолеть опасное время, способное её остановить...

Потрескивание микропроцессоров, образующих главный вычислительный центр, становится нервным...

Иногда возникает характерное постукивание, но редко – для этого нужно, чтобы стало совсем жарко и в прямом, и в переносном смысле. Впрочем...

Преимущество искусственных мозгов заключается в том, что в случае перегрева автоматически срабатывает охлаждающий контур. Недостаток – вакуум неспособен заполнить мою черепушку.

Мне не грозит опасность поплыть по течению, отревнившись от мира беззаботной тишиной расплавленных мозгов. Я не дебилизируюсь. Я всегда сосредоточен. Я хладнокровно фиксирую происходящее и хладнокровно на него реагирую. Адекватно, прагматично, предельно рационально.

Я свободен от эмоций. Я свободен в выборе действий. Я полностью автономен, но иногда скучаю по временам, когда жара, духота или вынос мозга наполняли мою голову ватой.

Я скучаю по временам, когда умел тупить.

Когда был человеком».

(Аудиофайл 2980–23468–098628

статус: несущественный

стереть: да/нет)

* * *

Первые после Времени Света недели Зандр поража́л яростной, едва ли не ежечасной сменой декораций, демонстрируя в калейдоскопическом режиме все феномены, что ожидали выживших в будущем. «Бешеные ливни», до краёв заливающие глубокие овраги и даже смыывающие небольшие города; «голубые фитили» – чудовищной силы молнии, удар которых гарантированно расплавлял тяжёлый танк; вымораживающие «адские метели»; «бледные шторма», «радиотеатры», «пыльники», ураганные ветра, радиоактивные облака, яды, отравляющие и обжигающие... Увертюра получилась познавательной, но длилась недолго, примерно месяца два, после чего Зандр стал скучным: жарким, однообразным, угрюмым. Хоть и опасным, но предсказуемым – существовали признаки, по которым опытные люди узнавали о приближении очередного феномена и успевали спрятаться.

А ещё через год на изнасилованной планете началось изменение времён года. Пока достаточно условное, как шутили обитатели Зандра – в тестовом режиме, но, как говорится, лиха беда начало.

Основное время – девять месяцев – по-прежнему занимало лето, а на три оставшихся приходилось всё остальное: весна, зима и осень. Получились они маленькими, но яростными и ярко выраженными. И ещё получились злыми, но каждое по-своему.

Осень Зандра – это Сезон Кислотной Дряни, когда с неба льётся запредельное дерьмо, в составе которого не способны разобраться даже лучшие химики. Лучшие из оставшихся, разумеется, из тех, кто ухитрился пережить Время Света и все последующие испытания. Сначала, конечно, пытались разобраться, анализировали, прикидывали, а потом плюнули и покорно принимали ту мерзость, которой Земля расплачивалась с человечеством. Потому что – куда деваться?

С годами агрессивность Кислотной Дряни падала, и теперь нужно было крепко постараться, чтобы получить ожог, просто выставив руку под дождь, но правила пока соблюдались неукоснительно: начался Сезон – натягивай защиту не ниже АВ+, и люди, которые встретились

в небольшой пещере, в трёх километрах к юго-юго-западу от Перевальника, были облачены не в обычную «сбрую» обитателей Зандра, а в защищённую, без прорех и открытых участков.

Первый, тот, что пониже, смог позволить себе лишь дешёвое снаряжение, сделанное умельцами Зандра из того, что оказалось под руками, в основном из грубой, но надёжной прорезиненной ткани. И вооружён был соответственно – простым гладкоствольным дробовиком, выглядевшим так, словно ему пришлось обойти весь Зандр по кругу. Второй – плотный, высокий, плечистый – прибыл на встречу в поношенном, но крепком комбинезоне «Пластун», предназначенном для военных разведчиков и сделанном ещё до Времени Света. «Пластун» обеспечивал защиту уровня АА, и надёжнее его от феноменов Зандра защищал только «Вакуум», который встречался так же редко, как источники чистой воды, открытые взгляду и свету. Что же касается оружия, то помимо нескольких ножей, гранат и кобуры с пистолетом плотный оказался владельцем мощного ТС19, на который щуплый поглядывал с большой опаской.

Собеседники расположились довольно далеко от входа в пещеру, шагах в десяти, куда не залетала даже водяная пыль, однако маски не снимали, не показывали друг другу лица. И это обстоятельство щуплого успокаивало. Несмотря на грозный ТС19.

– Честно говоря, не думал, что увижу вас... э-э... вас...

Щуплый знал сетевой ник собеседника, спокойно использовал его при виртуальном общении, но, столкнувшись с высоким лицом к лицу, растерялся. Потому что ник абсолютно не соответствовал суровому облику.

– Нянька, – спокойно закончил за щуплого плечистый. Возможно, он улыбнулся под маской. – Не стесняйся называть меня так, я сам выбрал себе псевдоним.

– Спасибо.

– Не за что.

Щуплый перевёл дух, нервно прикоснулся к висящему на плече дробовику – ствол строго вниз, Нянька сказал, что, если оружие поднимется хотя бы на сантиметр, он откроет огонь, – и откашлялся.

– Я ведь послание отправил больше наугад. Не верил, что вы существуете.

– Но тебе хотелось, чтобы я существовал.

– В этом поганом Зандре есть место крови и дикости... – Щуплый вздохнул. – Я надеялся, что в нём отыщется и толика справедливости.

– Почему ты не восстановил справедливость сам?

– Я – маленький человек.

– Ты мог собрать нескольких таких же маленьких людей.

– Все боятся...

– Ты мог собрать нескольких таких же маленьких людей, – с нажимом повторил Нянька, намекая, что не слышит искренности в жалком ответе.

– У меня семья. – Щуплый опустил голову. – Зачем вы спрашиваете, если знаете ответ?

– Затем, чтобы ответ услышал ты. – Плечистый заложил левую руку за портупею. – Знаешь, что я сделаю с тобой и твоей семьёй, если выяснится, что ты меня обманул?

В отличие от собеседника, который понятия не имел, под какой личиной прячется в Зандре Нянька, плечистый прекрасно знал, кто его вызвал, где щуплый живёт и что собой представляет. Так он страховался от недоброжелателей, которых у Няньки накопилось более чем достаточно.

– Они действительно воруют детей, – твёрдо произнёс щуплый. Теперь он смотрел прямо в маску высокого с таким видом, будто смотрел ему в глаза. Напоминание о трусости заставило щуплого разозлиться, и это был хороший знак. Это показывало – он способен забыть, что маленький, и вспомнить, что человек. – Только детей.

– С округи?

– Нет, в Перевальнике действуют чёткие понятия: местные под защитой, и гадить рядом с базой Гопак боится. Его падальщики шарят по соседним территориям, но осторожно, чтобы не навести на след.

– Кто в Перевальнике главный?

– Железный Митя.

– Он в деле?

– Нет, брезгует. – Щуплый помолчал. – Но Гопак ему платит. Здесь все платят Железному.

– Нормальная ситуация... – Теперь выдержал паузу Нянька. – Откуда ты так много знаешь?

– Я на Железного водовозом работаю, – произнёс щуплый таким тоном, что стало ясно: он не сомневается в том, что Няньке это известно. – У Гопака с Железным контракт, я каждую неделю привожу на его базу среднюю бочку, и...

– Теперь ты приятельствуешь с ними.

– Приятельствовал, не без этого, – не стал скрывать доносчик. – Сначала я думал, что Гопак и его пацаны – просто падлы, которые договорились с Железным. Потом, когда узнал, чем они промышляют, стало противно... А потом я услышал о вас.

– Куда они отвозят детей?

– Не знаю. Но папаша сюда точно не прилетают, я бы знал.

– А приятели твои не хвастались?

– Вообще об этом молчат. – Щуплый качнул головой. – Не надо говорить, что они мне приятели. Теперь не надо. Я... Я ведь рискую.

– Знаю.

– Но всё равно написал вам.

– Я это ценю.

Они все рискуют. Все они: маленькие, трусливые, обременённые семьями, слабые... Над ними насмеваются, иногда – унижают. Они, как правило, смотрят в землю или в сторону. Они находятся в самом низу пищевой цепочки Зандра, но на них держатся остатки цивилизации. Они работают. Они вынуждены со многим мириться, но это не значит, что им нравится то, что они видят.

И все они знают, чем рискуют, обращаясь к Няньке.

Но обращаются.

Обращаются, несмотря на то что преступление, за которое наказывал Нянька, их самих обычно не касалось. Обращаются, потому что не могут больше смотреть в сторону. И не могут выступить сами.

– Ты знаешь, что я плачу за наводку?

– Пятьдесят радиотабл, – подтвердил щуплый.

– Они тебе нужны?

– Не откажусь, – не стал врать доносчик. – Но я вам написал не ради денег.

Или не только ради них. Впрочем – плевать, сделка есть сделка.

– Твои деньги. – Нянька протянул щуплому снятый с пояса мешочек.

– Спасибо!

Глаз под маской не видно, однако по голосу плотный понял, какие чувства испытывает собеседник, и, не отпуская мешочек, твёрдо произнес:

– Не трать их в ближайшую пару месяцев.

– То есть? – растерялся щуплый.

– Гопак платит Железному, а значит, Железный не обрадуется тому, что я сделаю с Гопак. И пусть ему противен бизнес Гопака: деньги есть деньги.

– А-а... – Кажется, щуплый об этом не подумал. Никто из них не думает.

– Вряд ли ваш Митя проведёт толковое расследование, но твое богатство разглядит обязательно, начнёт задавать вопросы. Например, такие: за сколько ты продал его, Железного...

– Я его не продавал!

– Ты только что лишил хозяина Перевальника, своего хозяина, одного из источников дохода.

Щуплый нервно передохнул. До него только сейчас дошло, что он натворил.

– Через пару месяцев всё уляжется, и ты сможешь осторожно воспользоваться своим богатством, а пока живи, как жил. – Нянька положил тяжёлую руку на плечо собеседника. – Я видел, что делают с глупыми доносчиками. И я никогда не возвращаюсь, чтобы отомстить за них.

– В моем случае вам не придётся, – сглотнув, пообещал щуплый. Он всё понял.

– Надеюсь.

Давным-давно, в первые, самые мерзкие месяцы Зандра, когда мир только сломался, похоронив под собой и законы, и мораль, и не просто сломался, а продолжал рушиться, накрывая раскалёнными обломками всё вокруг; когда все мечтали выжить, а под словом «будущее» подразумевалось десять-двенадцать часов; когда приходилось выбирать между «плохо» и «ужасно»... В те времена папаши особенно не прятались. Тогда никто не прятался, каким бы дерьмом ни занимался. Убеждённые каннибалы открыто переводили людей на консервы и торговали на улицах «деликатесами»; городские власти покупали рабов для расчистки завалов или разведки грязных зон; хирурги пилили пленных на органы... Люди в те месяцы превратились в заурядный товар, и загоны для рабов стали обыденностью в большинстве поселений Зандра. А папаши считались уважаемыми членами общества.

Однако постепенно в мир вернулись приличия.

В Зандре появились хорошо организованные сообщества – Периметр Дота, области Железных Берцев, территории Зигенского ордена и народных республик, на которых работорговля оказалась вне закона. За этими сообществами стал тянуться и остальной Зандр, но он всё ещё оставался опасным, а жизнь в нём – трудной, и потому папаши не исчезли.

Они маскировались. Осторожничали. И никогда не гадили поблизости от своих баз, не желая вызывать гнев соседей.

Папаши предпочитали захватывать молодых и сильных, которых можно использовать не только на работе, но и для развлечения, а юноши или девушки – не важно. Не отказывались работорговцы и от детей, поскольку в некоторых районах другой их «товар» не находил спроса. И именно у детей, у самых слабых и бесправных обитателей Зандра, неожиданно появился защитник. Человек, называющий себя Нянькой. Человек, создавший в едва поднявшейся сети информационную страничку о себе и попросивший сообщать обо всех случаях похищения детей. Особенно – массовых.

Человек, который приходил к тем, кто похищениями жил, и жестоко их наказывал...

Базой работорговцам служил металлический ангар, построенный в самом конце глубокого и довольно узкого каньона. С одной стороны – тупик, из которого не выбраться, поскольку вокруг почти отвесная скала; с другой – место неприметное, труднодоступное, и одного поста в двухстах метрах от ангара достаточно, чтобы полностью перекрыть дорогу. Осенние дожди, разумеется, изрядно залили каньон, однако основной поток, постепенно превращавшийся в полноценную речку, формировался ниже, за постом и за довольно крутым, но проходимым подъёмом, по которому папаши попадали в своё логово сухопутным путем. Коптер же приземлялся прямо к ангару, но сейчас его не было: щуплый не обманул, сказав, что его отогнали в Перевальник на ремонт.

К сожалению, вместе с коптером улетели пятеро бандитов, однако ждать их Сатана не мог и потому, скрипнув зубами, пробурчал: «Повезло придуркам».

– Что ты сказал? – осведомился сидящий на постоянной связи Майор.

– А ты не услышал?

– Нет.

– Спишь?

– Как раз в том самом ухе ковырялся.

– А-а... – Сатана помолчал, но решил не развивать тему и коротко ответил: – Сказал, что придуркам повезло.

– Коптера нет?

– Угу.

– Ждать некогда.

– Без тебя знаю, – отрезал называющий себя Нянькой Фредди и цыкнул зубом, показывая, что разговор окончен. И поправил капюшон, правда, больше по привычке, чем по необходимости. К полуночи дождь почти прекратился, превратившись в лёгкую изморось, но все знали, что, накопив сил, он полёт вновь: осень есть осень.

Ангар – так же как всё, построенное после Времени Света, – выглядел коряво, да к тому же был слишком мал для базирования папаш, однако щуплый наводчик сообщил, что в этом и заключалась хитрость Гопака: «Там огромная пещера – танк загнать можно, вот они и построили ангар у её выхода. С виду – мелочь какая-то, в которую и бочку не зака-тишь. А на деле – здоровенное укрытие».

Есть ли из пещеры второй выход, щуплый не знал, но Сатана предположил, что есть – папаши славились предусмотрительностью, – а значит, нужно действовать быстро и аккуратно и не позволить работарговым уйти. Тем более что главную ошибку папаши уже совершили: не выставили над каньоном даже самой примитивной электронной охранной системы и таким образом позволили Сатане беспрепятственно подойти к краю. Вторая, не менее серьёзная их оплошность, заключалась в том, что папаши не позаботились о средствах радиоэлектронного предупреждения и теперь понятия не имели, что их базу прошупывает переносной военный сканер.

Два ублюдка на посту, трое в ангаре. Остальные, видимо, в пещере, но на неё мощности устройства не хватало.

– Ты готов?

– Не хочешь подождать, когда дождь усилится?

В предложении напарника был смысл: в ливень за порог точно никто не высунется, соответственно, Фредди сможет спокойно добраться до ангара, однако Сатана не хотел ждать и потому отверг его:

– Буду осторожен.

После чего скинул вниз два альпинистских шнура – основной и страховочный – и стал ловко спускаться.

До Времени Света люди успели придумать не только колесо и шахматы. Научная мысль, разогнавшаяся в XIX веке, ещё долго продолжала удивлять, изумлять и толкать общество вперёд. Как надеялись учёные – к счастью, достижимому с помощью технического прогресса, как показала практика – к Времени Света.

Люди не просто летали в космос, а готовились к полётам на Луну и Марс, спутники, ими запущенные, работали до сих пор, помогая Сатане ориентироваться на Зандре. Люди придумали уникально мощные и уникально компактные киберпротезы. Раскрыли секреты генной инженерии. Создали страшное тектоническое оружие. Запустили в широкое производство невероятные микрогенераторы Таля – микрогеры, практически избавив цивилизацию от нар-

котика нефтяной зависимости, но... Но вот в области тактической ликвидации себе подобных предпочтение по-прежнему отдавалось старому доброму огнестрельному оружию. Изрядно модифицированному – да, но работающему по тому же принципу, что и мушкеты героев Дюма.

Огнестрел неплохо чувствовал себя в эпоху наивысшего расцвета человеческой цивилизации и стал настоящим королём Зандра. Простая и надёжная конструкция, неприхотливый механизм, несложное производство боеприпасов – пистолеты, пулемёты, автоматы, винтовки и дробовики являлись главным оружием новой Земли, а вот оригинальные изыски и супертехнологичные разработки последних перед Временем Света лет не прижились. Не выдержали конкуренции.

Оказались слишком зависимыми от мира, которого больше не существовало.

Что же касается излюбленного оружия Сатаны – пистолета-пулемёта ТС19, в оригинале – «токарев-сапрыкин», на сленге Зандра – «Тихой сапой», то это был бесшумный автомат, разработанный для диверсионных подразделений, обеспечивающий и толковую скорострельность, и солидную мощь. Другими словами, для боя на ближней дистанции лучшего и желать не надо.

Три хлопка подряд. Не короткая очередь, а именно три подряд одиночных – Фредди прекрасно ладил с оружием, двигался быстро, стрелял ещё быстрее и потому редко переключал ТС в автоматический режим.

Три хлопка подряд.

Первая пуля – сидящему у входа, не важно, куда, кажется, в плечо; затем поворот, и две пули тому, что чистил оружие за столом. Здесь уже наверняка: в голову и горло. Мягкое движение вправо, третий папаша бросается к двери, два хлопка – пуля в спину, пуля в голову. Поворот. Тот, что сидел у двери, уже выковырял из кобуры оружие, но вскинуть не успел. Хлопок. Во лбу работаргольца расцветает красный мак.

– В ангаре чисто.

Ему не было нужды докладывать о происходящем, просто привычка.

Заканчивая фразу, Сатана приоткрыл дверь в конце ангара, убедился, что щуплый не солгал – за ней действительно находилась пещера, вошёл и тут же покатился вперёд, уходя от пули.

«Раскрыт!»

Пока катился, успел оценить ситуацию и принять решение громить всей мощью, после чего большой палец правой мягко переключил ТС в автоматический режим, и три следующих хлопка слились в один.

В фоновом режиме:

«Минус девять патронов».

А женщина, которой достались три пули, медленно сползает по стене. У женщины короткие тёмные волосы и большие, быстро стекленеющие глаза. Кажется, она удивлена, но главное – больше не опасна.

Забуть о женщине!

Прыжок. И Сатана начинает стрелять чуть раньше, чем ноги касаются пола.

Ещё три пули – мужик навсегда остаётся на узкой армейской койке, – а следующий выстрел выбивает пистолет из руки главаря.

– Сука! – Пуля разрывает ладонь, и Гопак орёт от боли.

А Фредди уже рядом. Подсекает главаря папаш, кладёт его на пол и наступает на раненую руку, вызывая ещё один вопль.

– Жить хочешь?

– А ты? – пытается храбриться Гопак.

Тяжёлый ботинок жёстко давит на ладонь, смешивая кровь с грязью, и главарь сдаётся:

– Хочу!

– Где дети?

– Что? – Гопак даже о боли забыл. Таращится на бесстрастную маску «Пластуна», и постепенно до него доходит, что перед ним отнюдь не конкурент. – Ты кто?

– Нянька.

– Ох, б...

– Где дети?

– Ты всё равно меня убьёшь.

– В общем, да.

Один хлопок. Очередной «мак» в очередной бандитской голове. Сатана разворачивается, проходит к следующей двери, прислушивается, пинком вышибает её, прыгает внутрь и замирает.

Он на «ферме».

Четыре тонны.

Именно столько весил «Урал Чапаев» – самый большой в мире пикап, производившийся до Времени Света. Полутораметровые колеса, просторная пятиместная кабина, кузов и мощный генератор Таля под капотом. Не микро-, а полноценный генератор, жрущий по десять радиотабл за раз. Но и мощности выдающий столько, что две дополнительные тонны – броня, вооружение и снаряжение – на ходовых качествах «Чапаева» не сказались.

Даже в нынешней, «тяжёлой» комплектации, «Урал» давал до ста сорока километров в час, а под горку и того больше: инерция разгоняла здоровенную машину до невиданной для неё скорости, и лишь от водителя зависело, приедет к финишу полноценный пикап или куча раздолбанного железа.

А водитель за рулем конкретно этого «Урала», что несся сейчас в каньон, был опытным, настоящим мастером безумных гонок по Зандру.

Поэтому выруливший со склона «Чапаев» не сбросил скорость, объезжая наваленные перед КПП валуны, а со всего разгона взлетел на склон горы, объехал преграду и врезал таранным ножом в ворота. Снёс и встал как вкопанный, а водитель, отпустивший руль ещё несколько секунд назад, уже стреляет в приземистое здание поста из скорострельного гранатомёта.

Взрыв. Взрыв. Взрыв.

Снаряды в «Плевателе» не самые мощные, но дверь они сносят, возможно, кого-то ранят, но это не важно. Важно, что они оглушают и дают Майору возможность выскочить из машины и ворваться на пост с ТС в руках.

И вслед за взрывами звучат приглушенные хлопки, ставящие кровавую точку в быстром и предельно профессиональном разгроме базы работаровцев.

– Что здесь было?

– «Ферма», – угрюмо ответил Сатана. – В Перевальнике есть госпиталь, и в Великанске есть госпиталь. И там, и там постоянная нехватка крови и органов...

– Подонки, – проскрипел Майор, присаживаясь рядом с другом. На ступени крыльца. Не входя внутрь ангара.

– Гопак воровал детей и выжимал их.

– В живых кто-нибудь остался?

– Нет, – после паузы ответил Сатана. – Никого. А кровь увезли на коптере.

Некоторое время Яша Майор молчал, наблюдая за усиливающимся дождём, потоки которого щедро поливали стоящий неподалёку «Урал», после чего предложил:

– Давай задержимся?

– Опасно.

– Плевать. Гадюшник надо вычистить до конца, иначе они продолжают своё дело. Не останавливаются... Ты ведь знаешь.

– Спасибо, – произнёс после ещё одной паузы Фредди.

– Да пошёл ты, – хмыкнул Майор и поднялся: – Надо замаскировать «Чапая» и подготовиться, и...

Бесстрастная маска повернулась к Сатане.

– Надо обыскать тут всё, – кивнул Фредди, продолжая невысказанное напарником. – У них должен быть тайник.

В котором лежит обшак, грязные деньги, сделанные на крови в буквальном смысле слова, но нужно их взять. Пусть лучше будут у них, чтобы заплатить следующему доносчику, чем падальщики купят себе оружие.

– Всё верно. – Яша сделал шаг к пикапу. – Так надо.

– Знаю. – Оставшийся на крыльце Сатана вздохнул и угрюмо посмотрел на свои крепкие руки: – Я никого не спас.

– Ты избавил мир от зверей.

– Но никого не спас...

И ему показалось, что потоки воды смывают с перчаток не грязь, а кровь.

* * *

«Они всё равно были против меня. Я чувствовал их ненависть... Они её не скрывали. По каким-то идиотским причинам они не хотели жить под моей властью, никто из них не хотел... Они устраивали бы засады на мои патрули, акты саботажа на электростанции и водоканках и поддержали бы любого, кто бросил бы мне вызов. Они против меня. Все они. Все...»

Вслух эмир Саид этого не говорил, не шептал даже... Не мог себе этого позволить, потому что все поняли бы, что он сожалеет. А где сожаление – там слабость, это аксиома, понятная каждому обитателю Зандра. А слабый эмир – мёртвый эмир, таков закон. И поэтому Саид не говорил и не шептал. Но думал.

Все-таки он был человеком.

Эмир Саид стоял на скале, разглядывая лежащий на равнине Дальнеград, и думал. Думал и при этом не ругал себя за проявление слабости – хотя обычно таких вещей себе не спускал, – потому что видеокдры, которые передали из города разведчики и дроны, «зацепили» даже его. Прошедшего Времени Света. Пережившего самые жаркие дни Зандра. Трижды изменившего природе во время Жрущих Дней. Всё видевшего. Ко всему привыкшего. Он убивал сам и тысячи раз видел, как это делают другие. Он давно понял, что пощада ведёт к ещё большей крови, и прославился как тот, к кому лучше не попадаться. Он думал, что его ведёт сам Нечистый, однако...

Однако то, что сотворила эта женщина, повергло эмира в шок.

Но виду он не показал.

Потому что слабый эмир – мёртвый эмир. Закон Зандра.

Саид стоял, смотрел, но губы его не шевелились. Всё, что он хотел сказать, он проговаривал внутри. Словно оправдываясь. Словно объясняя Аллаху, что, даже следуя за Нечистым, он всё равно не опускался так низко, как эта женщина. Словно Аллах этого не видел. Но Саид всё-таки говорил – он был человеком, он должен был это сказать. Хотя бы внутри...

– Оттягиваешь момент триумфа?

Эмир бы вздрогнул, услышь он голос внезапно, обязательно бы вздрогнул, несмотря на выдержку и знаменитое хладнокровие, но, к счастью, Саид услышал лёгкие шаги и успел подготовиться.

Поэтому не вздрогнул, а усмехнулся. Не оборачиваясь.

– Ты исполнил свою мечту. – Женщина встала рядом и тоже посмотрела на город.

– Это не мечта, а просто цель. – Он кашлянул и повторил: – Стратегическая цель.

– О чём же ты мечтаешь?

– Не важно.

Она не видела выражения лица эмира и поэтому отреагировала спокойно:

– Как скажешь. – И застегнула элегантный жакет – на скалу налетел зябкий ветер.

И улыбнулась. Небрежно. Красиво.

Саид ни за что не обратился бы к её помощи, если бы мог взять город своими силами, но – увы. Эмир просчитал все возможные варианты военной операции, однако Дальнеград был слишком хорошо укреплен, гарнизон состоял из запредельно мотивированных солдат, которых натаскивали спецы с далёкого Русского Севера, и в штабе эмира посчитали, что потери будут неприемлемыми. Саид не захотел гробить треть армии на один, пусть и стратегически важный город, поскольку с юга его подпирала весьма не дружественные падальщики хана Мишико. Однако Дальнеград был нужен, и Саид нанял специалиста. Заплатил огромные деньги, сам выбрал вирус...

Организовал управляемую эпидемию. Так она её назвала: управляемая эпидемия.

Неделя инкубационного периода, затем активная фаза – три дня. Затем вирус погибает, но люди продолжают умирать – они слишком слабы, чтобы противостоять запущенному механизму разрушения. Десять дней, и город оказывается в руках армии эмира Саида...

Так обещала Лаура. И не обманула.

Информация об эпидемии, которую распространили его же люди, позволила эмиру войти на чужую территорию, выставить кордоны и безнаказанно истреблять всех, кто пытался покинуть Дальнеград. И теперь, спустя десять дней, Саид пришёл, чтобы взять обезлюдевший город.

Но не мог смотреть на присланное разведчиками видео.

Нет, мог, конечно, смотрел и даже отпустил пару шуток, тут же подхваченных подчинёнными, но внутри у него всё сжималось.

Наверное, не до конца умершая душа.

– Мои люди боятся идти туда, – пробурчал он, по-прежнему не обращая внимания на зябкий ветер.

– И совершенно напрасно, – усмехнулась она, мельком взглянув на изящные наручные часики. Золотые. Превосходно гармонирующие с её сегодняшним ювелирным комплектом.

Все те дни, что она провела с эмиром, Лаура выглядела и одевалась так, словно не было никакого Времени Света, а вокруг расстился не Зандр, а Лазурный берег в самом своём расцвете. Она могла себе позволить быть роскошной и позволяла: пила старое вино, а не бухло, что гнали сейчас, пользовалась косметикой и каждый день принимала ванну. Её костюмы поражали, и многие из них были пошиты после Времени Света – у Лауры был собственный кутюрье.

– Почему напрасно?

– Потому что я сказала – вирус погибнет.

– Он погиб?

– Да. Так он сконструирован.

– Ваши слова моих людей не убедят.

– А вас? – мягко осведомилась женщина.

– В смысле?

Он не удержался – повернул голову и наткнулся на спокойный, чуть насмешливый взгляд чарующих ореховых глаз.

– Вы мне верите?

Небрежная улыбка.

Такая красивая и такая омерзительная... Сейчас омерзительная. Сейчас ему вдруг захотелось убить её за эту улыбку, но... Саид умел справляться с гневом и понял, что предлагает Лаура: если он согласится, его авторитет поднимется до небес.

– Первым войти в город?

– Вместе: вы и я. – Улыбка стала чуть шире. А в глазах мелькнула сумасшедшая искорка: женщину завела идея. – Рискнём?

– Там остались люди?

Не хватало ещё попасть под пулёмётную очередь. Или гранатомётный выстрел. Саид был воином, но не любил напрасный риск.

– Заключая контракт, вы потребовали обеспечить стопроцентную зачистку. Я обеспечила.

Убила всех.

Он снова посмотрел на город и – впервые за весь день – улыбнулся по-настоящему, от души:

– Едем!

Но отправиться вдвоём не получилось: как ни странно, комендантский взвод эмира, его личные телохранители, все до одного вызвались сопровождать повелителя в город. И так же, как Саид и Лаура – без защитных костюмов, в обыкновенной боевой сбруе. Нервничали, по лицам было видно, что нервничают, дёргаются, но дело своё делали чётко: окружили важных персон живым щитом, устроили внешнее оцепление, в общем – по всем правилам.

И ничем, ни жестом, ни взглядом, не показывали, что их раздражает медленно бредущая по улицам парочка.

Саид, говоря откровенно, тоже ограничился бы торопливым проходом по нескольким кварталам, но не мог потерять лицо в присутствии женщины, а Лаура... Лаура устроила самый настоящий отчёт, подробно показывая эмиру результат действия вируса. Она не издевалась над жертвами, не глумилась, не фотографировалась с ними, но гордилась проделанной работой и не гнушалась лично переворачивать мёртвых, демонстрируя отпадающие конечности и жуткие язвы на холодных телах. А Саид смотрел. И думал, что единственная защита, которую сейчас позволила себе красивая безжалостная тварь с ореховыми глазами – тонкие медицинские перчатки. И всё. И больше ничего не надо, потому что вирус погиб. Потому что он был так сконструирован. Красивой безжалостной тварью с ореховыми глазами.

– Почему тебя никто не убил? – спросил он вдруг.

И Лаура его поняла.

Оставила очередное тело – отпустила, вернув его в пыль улицы, – перешагнула, приблизившись к эмиру, снова улыбнулась и ответила:

– Почему ты думаешь, что ничем не заражён?

И отвернулась, потому что в глазах Саида появился страх, видеть который она не имела права. Она знала, что страх есть, но не должна была его видеть: взбесившись, эмир мог броситься на неё, не задумываясь о последствиях.

– Я заражён?

– Я уезжаю сегодня. А Дальнеград теперь твой...

Она не обернулась, но он знал, что она улыбается.

Смотрит на усеянные трупами улицы и улыбается.

И ещё эмир знал, что боится её, ослепительно красивую женщину с чудными ореховыми глазами.

* * *

«Кто-то и где-то сказал, что быть человеком – это верить в невозможное и не замечать очевидное.

Именно так.

Я не помню, каким образом это утверждение поселилось в моей голове, но поселилось оно давно, и я тысячи раз убеждался в его истинности. Любой человек, даже умный и прагматичный, в какой-то момент начинает верить в чудо. Или в Бога...

Нет! В Бога верить сложно, потому что к Нему нужно идти. Нужно что-то доказывать Ему и себе, а это трудно. Это требует действий. Поэтому все верят в чудо, и не важно, какую конкретно форму конкретное чудо примет для конкретного человека: главное, чтобы оно случилось внезапно, без усилий и сразу «сделалось хорошо».

Раньше, до Времени Света, они верили в лотерею, в то, что им приснится место законного клада, или мелодия, которая станет всемирным хитом, или...

Вы тоже заметили, что почти всегда чудо имеет материальное наполнение? Не в ста процентах случаев, но часто. Очень часто. Народ в большинстве своём требует чуда денежного, способного раз и навсегда решить финансовые проблемы конкретного индивидуума. На втором месте – внезапное исцеление. На третьем... Я не помню, что на третьем, но это не важно. Важно, что чаще всего люди хотят чуда для себя. Если чудо случится у соседа – оно ненастоящее.

Неправильное.

Время Света существенно снизило запросы, но увеличило число верующих... Нет! Не так. Количество верующих тоже уменьшилось, но теперь верить стали все, не откладывая на потом. И верить начали с остервенением, потому что время, которое раньше убежало, теперь растворялось на глазах, и не дожить до утра стало гораздо проще, чем дожить.

Теперь верили в то, что кислотный дождь не отравит тебя окончательно; что найдётся склад с консервами и еды хватит до конца жизни; что Зандр смилостивится и конец жизни будет отодвинут подальше... Да, после Времени Света появились верующие в Зандр.

Мы ведь говорим о людях...

Они верят в Зандр, но отказываются замечать то, что находится под самым носом».

(Аудиофайл 2–3498–723–45897

статус: несущественный

стереть: да/нет)

* * *

– Анализатор запахов перегорел?

– Думаю, да, – подтвердила Двузубая Мэри. – Или он, или только схема.

– Лучше схема, – вздохнул Сивый. – Анализаторов в сборе у меня сейчас нет.

– Когда будут?

– Только если в бронекараване привезут.

– То есть через неделю?

– Не раньше.

– Сойдёт. – Женщина привычно уселась в кресло и задрала майку, позволяя комбимастеру добраться до крышки блока управления. – Неделя у меня есть – подожду. А сейчас давай проверку.

– Тебе как обычно? – Сивый вскрыл клиентку и взял в правую руку пару кабелей.

– Нет, сделай тотальную диагностику, – ответила Мэри. И, увидев удивление в глазах мастера, пояснила: – Собираюсь в Зону Вонючих Вихрей, хочу быть в форме.

– Опасный рейд.

– Зандр вообще опасен.

– Тут ты права. – Сивый воткнул кабели в разъёмы, запустил «долгую» программу и бросил взгляд на монитор, на который шли картинки с натканных вокруг дома видеокamer. – Ко мне ещё один клиент... Если хочешь, я ему откажу.

– Я тут надолго. – Двузубая закинула ногу на ногу. – Так что плевать.

После Времени Света размер поселений стал определяться только толщиной водоносного слоя, из которого черпали жизнь его обитатели. Опытные гидрологи делали отличный бизнес, составляя «карты жизни» и тем самым навсегда определяя численность населения для тех или иных точек. А поскольку вода и героизм – понятия несовместные, «лишних людей» или убивали, или изгоняли, или же делали «щедрое» предложение попробовать себя в роли фермера – мелких слоёв, способных питать пять-десять человек и парники с капельной системой орошения, по Зандру было разбросано в достатке. Другое дело, что участь фермера опасна и непредсказуема: папаши, банды падальщиков, водососы, дикие веномы, жрущие – все они могли изрядно сократить и без того недолгую жизнь поселенца, но когда альтернатива – риск одиночного выживания или пуля в лоб от сограждан, выбор делался на инстинкте самосохранения.

Но были в Зандре и подлинные жемчужины – города, стоящие на таких богатых водяных слоях, что могли себе позволить не подсчитывать число прибывающих людей, не вести учёт населения, а регулировать его численность исключительно ценой на воду. Такие поселения становились центрами областей, в них развивались промышленность и торговля, а у их правителей появлялись большие деньги и далеко идущие планы.

И именно таким городом был Тулен – столица Плоских Камней, собственность благословенного падишаха Иеремии Кеннеди, немного спятившего от синей розы и повышенного радиоактивного фона, но весьма деятельного правителя. А может – потому и деятельного...

Психические отклонения не мешали, а скорее помогали Иеремию управлять областью: склонность к импровизациям позволяла выкарабкиваться из очень серьёзных передряг, а дозированная жестокость – держать народ в повиновении. В городе падишаха уважали, считали крепким, не отможенным, дающим жить, и потому в Тулен охотно съезжались не просто умельцы, а лучшие специалисты, в том числе – естественно! – комбимастера.

А лучшие – это значит старой школы.

– Классные цеплялки, – не удержался Сивый, разглядывая вскрытые руки Сатаны. – Крутой чистоты и грамотности.

– Знаю, – спокойно ответил Фредди, прекрасно понявший сленг комби. – Не продаются.

– Где делал?

– Давно. До Времени Света.

– Это понятно... – Мастер мягко провел пальцем по локтевому сочленению протеза. – Экспериментальная модель?

– Ага.

– Военная?

– Ага, – подтвердил Сатана. – Но базовые узлы стандартные. Для ремонтпригодности.

– Иначе ты не протянул бы в Зандре.

– Ага.

– Но ты ещё ничего не менял.

– Ага.

Четвёртый подряд ответ «Ага» плавно подвёл Сивого к мысли, что нужно бы поработать, и он воткнул в общий разъём кабелей планшета.

– Будет немного жужжать.

– Знаю.

Фредди стоял перед комбимастером практически голый, в одной лишь набедренной повязке. Его искусственные ноги ещё были скрыты «чехлами» из псевдокожи, а вот руки Сатана уже вскрыл, демонстрируя мастеру и его посетительнице вживлённые киберпротезы. С эстетической точки зрения картина выглядела отвратительно: мускулистый торс мужчины и металлические конечности, но в этой лаборатории к подобным сочетаниям привыкли.

– Позвоночник тебе усилили?

– А как же.

– Его тоже будем смотреть?

– Нет, с позвоночником всё ОК. – Фредди приподнял левую руку. – Здесь я иногда слышу скрип, возможно, смазочный гель закончился. И надо поменять радиотаблы во всех микроге-рах.

– Сделаю.

Сивый взялся за работу, а сидящая «на диагностике» женщина – три кабеля в компьютер и два часа скуки, – поинтересовалась:

– Комби?

Новый посетитель ей понравился: плечистый, спокойный, а главное – симпатичный. Короткие светлые волосы, твёрдое, словно вырубленное, абсолютно мужское лицо, узкие губы и удивительные глаза – большие, красивые, которые прекрасно подошли бы героине поди-ума или мультфильма, но уж никак не воину Зандра. Впрочем, они его не портили, скорее наоборот.

Что же касается искусственных конечностей, то они Двузубую не смущали: сама на шестьдесят процентов ненатуральна. Но это обстоятельство не мешало ей развлекаться.

– Нет, – мотнул головой Сатана. – Не комби.

– Ко мне обычно ходят комби, – пробормотал Сивый, объясняя вопрос посетитель-ницы. – Киборги чинятся у Хромого Кеши.

– Комби и киборги – это люди с имплантами, – уточнил Фредди. – Я же вообще не чело-век.

– А кто? – осведомилась женщина.

– Робот.

Подобные заявления не были редкостью: даже в благословенную довоенную эпоху неко-торые переборщившие с имплантами комби начинали осознавать себя машинами, а уж после Времени Света число спятивших возросло существенно. Однако светловолосый не походил на сумасшедшего, и потому его заявление вызвало не смех, а вежливое уточнение:

– Неужели?

– Точно.

– А выглядишь, как человек.

– Серьёзно? – Сатана поднял правую руку, до которой ещё не добрался Сивый, и покачал ею перед собой. Тускло блеснул металл. Сначала на протезе, потом в саркастическом взгляде. – Как человек?

– Как комби, – поправилась Мэри.

– А комби – люди?

Ещё одна старая песня. Очень старая и тоже уходящая корнями в прошлую жизнь. Этот вопрос задавали Двузубой и родители, и уличные приставалы из движения «Будь настоящим!» И ответ на этот вопрос женщина знала твёрдо:

– Я – человек.

– В тебе больше железа, чем плоти.

– В тебе тоже.

– Знаю.

– Поэтому считаешь себя роботом? – встрял в разговор Сивый.

– Не только, – буркнул Фредди. – Есть другие основания.

– Кто тебя создал?

– Эта информация удалена.

– Так я и думала. – Женщина тоже умела быть саркастичной. Только без металла, что читался в голосе и взгляде Сатаны. – Когда ты осознал себя машиной?

– Когда стал ею.

– То есть когда тебя создали?

Вопрос заставил Фредди задуматься. Почти полминуты он молчал, глядя перед собой застывшим взглядом – совсем как внезапно остановившаяся машина, и только собрался ответить, как в разговор вновь вступил хозяин лаборатории.

– У роботов нет души. А у тебя?

Сатана вздрогнул, резко повернулся к комбимастеру и посмотрел на него так, что у Сивого мурашки по спине побежали.

– Я пошутил...

– Нет, ты задал правильный вопрос, – медленно произнес Фредди. – Но у меня ещё нет на него ответа.

– То есть ты не знаешь, есть ли у тебя душа? – Это спросила Двузубая.

– А ты знаешь?

– У меня – есть.

– Только потому, что ты считаешь себя человеком?

– Я знаю, что я человек.

– То есть ты помнишь, как тебя создали?

– Мне об этом рассказывали.

– Или в твою голову вложили эти воспоминания.

– Старая и скучная сказка, – усмехнулась Мэри. – Я – человек, у меня есть душа.

– А у соборников? Или у жрущих? У них есть души?

Пауза. Женщина отводит взгляд и покусывает губу, видимо, вспоминает виденное. И отвечает, не глядя на Сатану:

– На этот вопрос ответа у меня нет.

И не значит ли это, что лучше считать себя бездушным роботом, чем человеком? Хотя бы потому, что среди людей полно адептов Вселенского Огня? Назови себя роботом – над тобой посмеются, назовись соборником – и тебе придётся убивать. Или лопать, если ты назвался жрущим. Или продавать в рабство. Или лишать воды. Или заражать...

Люди, те самые, которые верят, что у них есть душа, творят подчас настолько кошмарные вещи, что роботам остаётся лишь развести руками.

В смысле – манипуляторами.

– Если ты действительно настоящий робот, то твоя голова стоит кучу денег, – хмыкнул Сивый, желая разрядить атмосферу.

– Хочешь забрать?

– А ты не будешь сопротивляться?

– Я робот, а не идиот, – хмыкнул Фредди. – И мои создатели не были идиотами и потому прошли мне естественный инстинкт самосохранения.

– То есть с лобзиком лучше не соваться?

– Ага.

– Какая тебе вообще разница, кто ты? – глухо спросила Мэри. Видимо, разговор о душе её задел. – Зачем ты затеял этот разговор?

– Думал, вам будет интересно.

– С чего ты взял?

– Что вам будет интересно?

– Что ты – робот? – Она почти крикнула. – Своего прошлого ты не помнишь, железа в тебе много, но меньше, чем в суперкомби, а они считают себя людьми. Насчет души ты не уверен, но атеисты тоже её отрицают! С какой стати ты здесь развёл философию?

Сивый озадаченно покосился на Двузубую, поколебался, но осторожно поддержал старую знакомую:

– Действительно. С чего ты взял?
– На меня не действуют наркотики. – Фредди слегка, чтобы не помешать мастеру, пожал плечами.

– Правда?

– Ага.

– Совсем-совсем?

– Абсолютно. Ни наркотики, ни алкоголь.

– Не повезло...

– Из-за такой беды я бы тоже назвалась машиной. – Мэри рассмеялась, но чуть нервно.

– К тому же я...

– Подожди. – Сивый бросил взгляд на подключённый к Сатане планшет, кивнул, словно сам себе подтвердил увиденное, и продолжил: – У тебя не просто гель подтекает – есть повреждение. Для ремонта нужно отключить руку.

Фредди выдержал короткую паузу, пристально глядя мастеру в глаза, затем взял пистолет и улыбнулся:

– Отключай...

Ещё через сорок минут, когда Сатана оделся, расплатился и ушёл, а Сивый вплотную занялся Двухзубой, она вернулась к теме, негромко поинтересовавшись:

– Он действительно робот?

– Откуда? – рассмеялся мастер, отвлекаясь от появившихся на экране первых результатов диагностики. – У него в башке практически нет имплантов, только стандартные нейродинамические схемы управления киберпротезами.

– То есть он псих?

– Скорее всего. – Сивый помолчал. – Но лапы у него высококлассные: и конструктивно до мелочей продуманы, и технологичные. Им несколько лет, но они в идеальном состоянии. – Снова помолчал и признался: – Я таких ещё не видел.

– Стручковая змея? – изумился Майор, внимательно глядя на нечто жареное и свёрнутое в аккуратное кольцо.

– Так, – подтвердил повар.

– Из Садов Безумия? – уточнил Майор, хотя все прекрасно знали, что эти гады водятся исключительно в чокнутых джунглях.

– У нас восемь тысяч гектаров на юго-западе области ими заражено, – поведал повар. – Падишах сказал, что будет выжигать только там, где Сады не укоренились, а где уже встали – чёрт с ними, всё равно не одолеть.

– Главное, чтобы не расплзались, – вставил Сатана, с подозрением изучая предложенное пиво. – Соевое?

– Найди другое.

– И вы жрёте ту дрянь, что лезет из Садов Безумия? – Яша всё ещё не мог прийти в себя.

– Мясо у стручковой змеи вполне достойное и неядовитое, – парировал повар. – Они из джунглей ползут табунами, зачем добру пропадать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.